

ГЛАВА 24

Трансфигурацию вела Макгонагалл. Моя младшая сокурсница осталась такой же, как и в былые годы: серьезная, строгая, она совсем не походила на типичного «льва». Пожалуй, из всего Гриффиндора она нравилась мне больше всех — во многом благодаря своей относительной справедливости. Хотя, если присмотреться, её симпатия к родному факультету была очевидна. Просто Минерва не позволяла себе предвзятости в по-настоящему важных вещах, а её мелкие поблажки были так тонки, что их почти никто не замечал.

Совсем не то что эта Старая Пчела! Я недовольно скривился, мысленно осыпая его проклятиями. Мог бы ты, Дамблдор, продемонстрировать свою пристрастность еще более нагло?

Принято считать, будто Снейп нещадно тянет Слизерин, но на деле Дамблдор куда искуснее в этих играх. Снейп разве что снимет пару лишних баллов с других факультетов — обычно по единичке за раз, — и, честно говоря, если бы Северус не защищал змей, этого не делал бы никто. Но стоит Дамблдору лишь открыть рот, как Гриффиндор получает десятки баллов из ниоткуда. А за проступки он своих львят никогда не наказывает, лишь весело посмеивается, заминая любое дело.

Вот это я в нем и ненавижу: лицемерие. Когда-то, в самом начале нашего знакомства с Орочимару, в деревне уже шептались о его экспериментах с запретными техниками. Но я всё равно стал его верным другом, потому что он был настоящим. Он был искренен в своём добре, в своём зле, в своих симпатиях и в своей ненависти. Он не опускался до лжи и не пытался приукрасить свою суть. Конечно, отчасти это и моя заслуга — я вовремя направил его, не дав окончательно свернуть на кривую дорожку.

На первом же занятии Макгонагалл решила сразу поставить нас на место.

— Трансфигурация — один из самых сложных и опасных разделов магии, которые вы будете изучать в Хогвартсе, — отчеканила она. — Любой, кто вздумает валять дурака на моих уроках, будет выставлен за дверь и больше сюда не вернётся. Я вас предупредила.

Затем она превратила свой стол в свинью и обратно. Каждому выдали по спичке, поставив задачу превратить её в иголку. Задание было занятным, но для меня, обладающего памятью Лорда Волдеморта с его высшими баллами по всем предметам, оно не представляло ни малейшего интереса. Взглянув на стол, который ещё недавно оглашал класс довольным хрюканьем, я понял, что прямо сейчас могу заставить его танцевать самбу в свином обличье.

Объективно говоря, Макгонагалл преподавала лучше Дамблдора. И дело тут не в моей предвзятости. Альбус, бесспорно, велик, но учителем он был посредственным.

Я огляделся. Гриффиндорцы из кожи вон лезли, размахивая палочками, но их спички оставались прежними. У слизеринцев дела шли лучше, но успеха пока не добился никто. Спичка Драко приобрела металлический блеск, но форму не сменила. Заметив мой взгляд, он огрызнулся:

— Чего вылупился?

То, что нас поселили вместе, уже выводило его из себя, а необходимость работать в паре на каждом уроке и вовсе доводила до белого каления. Я лишь лучезарно улыбнулся. Мне нравилось смотреть, как он раздувает щеки от злости — в такие моменты он так напоминал себя маленького, того пухлого карапуза.

— Драко, а ты знал, что ты сейчас донельзя милый? Ну прямо как булочка.

Мне показалось, что в этот миг он готов был меня ударить, и лишь благородное воспитание удержало его от этого шага.

— Белина! Если у вас есть время на пустую болтовню, лучше бы потратили его на практику! — Минерва возникла у моего стола внезапно, раздраженно постукивая волшебной палочкой по ладони. Она ведь предупреждала!

Я обернулся к ней:

— Прошу прощения, профессор. Просто я уже закончил, и Драко просил у меня совета.

— Закончили? — Макгонагалл скептически приподняла бровь, жестом предлагая продемонстрировать результат.

Я притворно-сосредоточенно коснулся дерева. Спичка мгновенно обратилась в стальную иглу — серебристую, с идеально острым кончиком. Гнев Макгонагалл тут же испарился; она подняла мою работу и продемонстрировала её всему классу.

— Как ты это сделал? — спросил Драко. В его голосе сквозило любопытство, тщательно приправленное неохотой — признавать моё превосходство ему явно было не по душе.

Я превратил иглу обратно в спичку.

— Просто делай всё в точности так, как говорила профессор Макгонагалл. Это совсем не трудно.

Я и не думал скрываться. Статус одаренного ученика куда безопаснее попыток спрятать талант — они лишь порождают лишние подозрения. Гениальность можно списать на природу, но намеренное сокрытие способностей... Каковы твои истинные цели?

Драко с досадой взмахнул волшебной палочкой, но его спичка не шелохнулась. Он не мог смириться с тем, что проигрывает «маглорожденному». В этот момент успеха добилась и Гермиона Грейнджер, хотя её игла была далека от совершенства.

— Твоё запястье слишком зажато, — я продемонстрировал правильное движение кистью.

Драко покосился на меня, всем видом показывая, как ему не хочется принимать советы, но всё же скорректировал хват. Спичка тут же превратилась в иглу.

После урока все оживленно обсуждали занятия. Сумку Драко нес Гойл, так что сам Малфой шел налегке, сохраняя надменный вид. Я пристроился рядом, игнорируя их враждебность. Драко мне искренне нравился, несмотря на то что он до сих пор не удостоил меня даже подобием доброго слова. Часто люди, чувствуя неуверенность при первой встрече, прячутся за маской холода, высокомерия или излишней скромности. Гордыня — лишь заурядная маска трусости, но именно она мешает расцвести по-настоящему важным вещам в жизни. Драко был типичным примером этого. Должно быть, он просто боялся того момента, когда ему придется отбросить свое спесивое величие.

— Какой урок следующий? — непринужденно поинтересовался я.

— У тебя что, расписания нет?

— Доставать его из сумки — лишняя морока. Вам что, трудно ответить?

Драко пренебрежительно фыркнул:

— Защита от Темных Искусств.

О, этого урока ждали все без исключения. Впрочем, я не питал никаких иллюзий насчет заикающегося Квиррелла. Куда больше меня занимал запах гнили, исходящий от него, несмотря на густой аромат чеснока. Возможно, стоит использовать иллюзию, вырубить его и посмотреть, что он прячет под тюрбаном?

В кабинете директора стоял легкий гул: причудливые серебряные приборы выпускали струйки дыма. Макгонагалл вежливо отклонила предложенную Дамблдором новинку из сладостей, едва сдерживая гримасу — нормальный человек не смог бы съесть нечто настолько приторное. Сколько ложек сахара он заставляет домовиков туда класть?

— Альбус, у меня мало времени, скоро начнется урок у третьего курса! — Минерва явно была не в настроении для долгих чаепитий.

— Хорошо, хорошо, Минерва, — Дамблдор примирительно поднял ладони. — Я лишь хотел узнать, как обстоят дела у первокурсников. В этом году много детей из маглских семей, да и Гарри теперь здесь.

— О, с ними всё в порядке, дети полны энергии, — Макгонагалл на мгновение задумалась. — Кажется, почти все адаптировались. Хогвартс стал для них домом.

— Да, Хогвартс позаботится о каждом, — Альбус соединил кончики пальцев, погружаясь в раздумья. — А есть ли среди них кто-то... заслуживающий особого внимания?

— Что ты имеешь в виду? — голос Минервы стал суше. Как педагог, она не терпела беспочвенных подозрений в адрес своих учеников, к какому бы факультету они ни принадлежали.

— Не волнуйся так. С приходом Гарри мы обязаны проявлять бдительность. Лорд Волдеморт, — Макгонагалл вздрогнула, — не исчез навсегда. Он вернется.

— Я знаю. Но подозрительных личностей я не видела. А вот талантливых учеников — сколько угодно. Например, Белина со Слизерина. Он превратил спичку в иглу почти сразу после моей демонстрации. Гермiona Грейнджер из Гриффиндора тоже очень хороша, она была второй.

При мысли об одаренных детях она улыбнулась.

— Гермiona... да, сразу видно, умная девочка, — согласился Дамблдор. Его голос стал тише, а голубые глаза пристально посмотрели поверх очков-половинок. — Но этот Белина... он кажется мне странным.

Минерва покачала головой:

— Не вижу в нем ничего странного. Он вежлив, талантлив, готов помочь другим и... на редкость скромн. Сказать по правде, он удивительно популярен на всех факультетах, кроме, разве что, нашего.

Пожалуй, это был единственный слизеринец, к которому Макгонагалл испытывала симпатию.

— Возможно, дело в том, что он вырос среди маглов и не набрался этих слизеринских замашек, — Дамблдор отпил глоток медового чая, который по консистенции больше напоминал сироп. — Я говорил с другими профессорами, их описания в точности совпадают с твоими.

— Так в чем же тогда проблема, Альбус? Ты слишком мнителен.

— Минерва, послушай. Прошла всего неделя! Ты когда-нибудь видела ребенка с такой невероятной харизмой?

Обычно одиннадцатилетнему подростку требуется уйма времени, чтобы просто освоиться в своем кругу, не говоря уже о том, чтобы расположить к себе всю школу — и это будучи на

Слизерине.

— Слишком уж это знакомо, — негромко произнес Дамблдор. — Слишком уж сильно он напоминает мне юного Тома Риддла.

<http://bllate.org/book/17409/1659125>